

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В РСФСР

Д. А. РАВИКОВИЧ

Осмысление накопленного опыта в области охраны памятников имеет особое практическое значение в настоящее время, когда эта проблема привлекает к себе все большее и большее внимание широких кругов общественности. Между тем, сводной работы по истории охраны памятников до сих пор не существует. Опубликованные за последнее десятилетие на эту тему работы касаются, главным образом, первого послереволюционного периода. Среди них — очерк В. К. Гарданова «Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917—1920)»¹, главы из книг И. С. Смирнова «Ленин и советская культура» (М., 1960)² и О. И. Подобедовой «Игорь Эммануилович Грабарь» (М., 1965)³, а также ряд научных статей⁴. Краткие сведения из истории охраны памятников содержатся в статьях публицистического характера⁵.

Настоящая статья, в связи с обширностью темы, естественно, не претендующая на исчерпывающую полноту, является первой попыткой дать сводный обзор истории охраны памятников в РСФСР за 50 лет Советской власти.

* * *

С первых дней Октябрьской революции охрана памятников истории, культуры, искусства рассматривалась Коммунистической партией и Советским правительством как дело государственной значимости. Такие вопросы, как охрана петербургских дворцов, Московского Кремля, национализация культурных ценностей, установление памятников революционным деятелям и др., обсуждались на заседаниях Совнаркома

¹ «История музейного дела в СССР», сб., М., 1957, стр. 7—36.

² Гл. «Первые мероприятия в области искусства», стр. 311—372.

³ Гл. «Общественная деятельность в дни становления молодой Советской республики. Музейное дело и основы научной реставрации», стр. 170—196.

⁴ А. Алтухов. Забота В. И. Ленина о памятниках культуры и искусства. «Искусство», 1962, № 4; Н. Д. Виноградов, Ю. П. Малиновский. Охрана памятников культуры в первые годы Советской власти. «Архитектура», 1958, № 4; И. А. Булыгин и С. М. Троицкий. Из истории первых мероприятий Советской власти по охране памятников культуры и искусства. «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 3 (9), и др.

⁵ Д. С. Лихачев. Памятники культуры — всенародное достояние (к вопросу об охране памятников). «История СССР», 1961, № 3; Е. И. Крупнов. Памятники культуры — всенародное достояние. «Советская археология», 1965, № 2; М. А. Ильин. Охрана и реставрация памятников древнерусского искусства, там же; М. Ю. Браичевский. Сохранить памятники истории. «История СССР», 1966, № 2, и др.

под председательством В. И. Ленина в числе важнейших проблем, стоявших перед молодой республикой Советов. Уже на первом этапе революции Советское правительство решило важные задачи в этой области. Впервые в России была создана система государственных органов, призванных руководить делом музеев и охраны памятников, осуществлена национализация крупнейших культурных ценностей.

Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (затем отдел того же названия в системе Наркомпроса РСФСР с отделением в Петрограде) была окончательно сформирована наркомом просвещения А. В. Луначарским в марте 1918 г., после переезда правительства в Москву. Активное участие в организации коллегии принимал И. Э. Грабарь, привлечший к ее работе крупных специалистов.

Уже в 1918 г. в составе музейного отдела действовали три подотдела, занимавшиеся охраной памятников (монументальной регистрации, архитектурный, археологический), и Всероссийская комиссия по раскрытию памятников древнерусской живописи. В них работали: архитекторы — И. В. Рыльский, И. Е. Бондаренко, Д. С. Марков, П. Д. Барановский; исследователи древнерусского искусства — И. Э. Грабарь, А. И. Анисимов, В. Т. Георгиевский, Н. Д. Протасов, П. П. Муратов, Н. М. Щекотов, Н. Н. Померанцев; реставраторы — Г. О. Чириков, П. И. Юкин, Н. И. Брягин, В. Е. Горохов, М. И. Тюлин⁶ и др.

Декретом СНК РСФСР (18 апреля 1919 г.) на базе Российской археологической комиссии, Московского и Петроградского археологических обществ была основана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). Одной из важных сторон ее деятельности должна была стать научная разработка вопросов музееведения и охраны памятников⁷.

В провинции выявлением, учетом, элементарным ремонтом памятников должны были заниматься губернские подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при отделах народного образования⁸. С 1918 г. такие подотделы действовали во Владимире, Казани и некоторых других городах⁹. К сожалению, в условиях военного времени не удалось организовать охрану памятников на местах в широком масштабе.

Само собой разумеется, труднейшие условия гражданской войны и экономической разрухи пагубно отразились на состоянии культурных сокровищ страны. Памятники разрушались в результате военных действий, длительного отсутствия ремонта, холода, сырости. Петроградский отдел по делам музеев, совершивший в 1918 г. выезды в провинцию, констатировал катастрофическое положение памятников в Казанской, Самарской, Вологодской, Архангельской губерниях. В уличных боях во время белогвардейского мятежа летом 1918 г. был сильно разрушен Ярославль и множество его уникальных архитектурных комплексов. В экстренном ремонте нуждались здания и памятники Петрограда и его пригородов — Эрмитаж, Зимний дворец, Адмиралтейство, Медный всадник, роstralные колонны, дворцы и фонтанная система Петергофа и т. д. Острый топливный кризис 1919—1920 гг. вынуждал население Москвы и Петрограда разбирать деревянные дома, в том числе особняки начала XIX в. Погибали от сырости замечательные фрески новгородских церквей. В запущенном состоянии находился Снеготорский мо-

⁶ О. И. Подобедова. Указ. соч., стр. 176.

⁷ Б. Фармаковский. Российская академия истории материальной культуры в 1919—1922 гг., Пгр., 1922, стр. 4.

⁸ «Народное просвещение», № 22, 7 декабря 1918 г.

⁹ «Труды 2-й конференции по изучению производительных сил Владимирской губернии» Владимир, 1926, стр. 4; «Вестник научного общества татароведения», Казань, 1928, № 8, стр. 155—156.

настырь в Пскове, Успенский собор XVII в. в Рязани и многие другие памятники ¹⁰.

Но следует непременно подчеркнуть, что случаи разрушения памятников культуры в результате невежества масс, о чем на все лады кричали белогвардейцы, были сравнительно редки и быстро пресекались деятельностью революционных комитетов, специальных комиссаров, уполномоченных Коллегии. Это обстоятельство неоднократно отмечал в своих выступлениях А. В. Луначарский ¹¹. Даже антисоветски настроенная пресса, поднявшая шум вокруг якобы огромных разрушений памятников Московского Кремля и собора Василия Блаженного, вынуждена была признать, что «первоначальные слухи (о разрушениях в Москве.— Д. Р.) оказались преувеличены» ¹².

Отдел по делам музеев и охраны памятников начал свою деятельность с подготовки законодательных актов о национализации крупных музеев, частных собраний, историко-архитектурных памятников и ансамблей, историко-бытовых и мемориальных комплексов. Знаменательно, что ряд декретов, изданных в 1918—1920 гг., в том числе о национализации Троице-Сергиевской лавры, дома Л. Н. Толстого в Хамовниках (Москва), музея имени Н. Г. Чернышевского в Саратове и др., подписал В. И. Ленин ¹³.

После опубликования декретов о национализации появилась возможность превратить наиболее значительные памятники в музеи. В 1918—1920 гг. к музейному показу готовились: историко-архитектурные ансамбли (Троице-Сергиевская лавра, Новодевичий, Донской и Новоиерусалимский монастыри); выдающиеся памятники церковного зодчества (собор Василия Блаженного, соборы Кремля, церковь в с. Дьякове под Москвой, ряд новгородских церквей и др.); историко- и мемориально-бытовые комплексы XVIII—XIX вв. (дворцы и особняки в Петрограде, подмосковные усадьбы, усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», его дом в Хамовниках и др.)

Особое значение для охраны памятников имел декрет СНК РСФСР (5 декабря 1918 г.) о регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений. Декрет объявлял первую государственную регистрацию «всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины... в чьем бы обладании они ни находились», запрещал переход памятников из одного владения в другое, какие-либо изменения их без разрешения Коллегии. Нарушители декрета должны были привлекаться к ответственности «по всей строгости революционных законов» ¹⁴. Декрет, таким образом, разрешил проблему, которая до революции в течение многих лет безрезультатно обсуждалась учеными обществами, съездами археологов, архитекторов, художников, вызывала бурные дебаты в период власти буржуазного Временного правительства ¹⁵,—устранил частновладельческие и ведомственные преграды и тем самым утвердил принцип государственной охраны всех культурных ценностей республики.

Два основных направления охраны памятников наметились в этот период: срочный ремонт и укрепление уникальных памятников, находившихся в аварийном состоянии; учет, необходимый для составления списка памятников, подлежащих государственной охране. При этом речь

¹⁰ ГАОР ЛО, ф. 2555, оп. 1, д. 681, л. 31; д. 1098, лл. 37—39; «Музей», 1924, т. 2, стр. 6—14.

¹¹ «А. В. Луначарский о народном образовании», сб., М., 1958; «Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета», М., 1957, стр. 80—82, 307—308.

¹² «Аполлон», 1917, № 6—10, стр. 80.

¹³ «Ленин о литературе и искусстве», М., 1960, стр. 610—611.

¹⁴ «Известия ВЦИК», № 200 (484), 10 октября 1918 г.

¹⁵ См. А. М. Разгон. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861—1917). «История музейного дела в СССР», сб. статей, М., 1957, стр. 73—128.

шла не только о выявлении наиболее значительных памятников, но и об их «научной регистрации», т. е. детальном обследовании памятников, сопровождаемом обмерами, фотографированием, зарисовками и пр. На основе такого обследования должны были определяться меры охраны каждого памятника — возможность его реставрации, раскрытия, укрепления и пр. Оба вида учета проводились параллельно.

Отделу по делам музеев и охраны памятников удалось организовать в 1919—1920 гг. экспедиции с участием искусствоведов, архитекторов, реставраторов для обследования памятников древнерусского искусства по верхнему и нижнему течению Волги, по Москве-реке и Оке, по Северной Двине и Белому морю¹⁶. Петроградский отдел совершил выезды в северные губернии республики. Результатом экспедиций явился большой историко-художественный материал: не только обмеры, описания и фотографии памятников, но и около 10 тыс. вывезенных произведений станкового и прикладного древнерусского искусства. Часть этого материала демонстрировалась на Второй реставрационной выставке в Москве (1920 г.) и на русской выставке в Берлине (1922 г.)¹⁷.

Из обширного плана реставрационных работ, ввиду ограниченных материальных возможностей, удалось начать только ремонт уникальных памятников Москвы и Ярославля, в небольшом масштабе Новгорода и Пскова. Ремонтные работы велись на строго научной основе. В процессе ремонта каждый памятник изучался, выяснялись и при возможности удалялись поздние наслоения. Таким образом, ремонт памятников сопровождался элементами реставрации — раскрытием их, приближением к первоначальному виду. «Никаких домыслов,— писал И. Э. Грабарь о методах ремонтно-реставрационных работ первых лет революции,— дополнений по чутью, по догадке, словом, никакой любительской отсебятины, а лишь раскрытие памятника от наслоений, да и то лишь таких наслоений, которые не имеют самодовлеющей историко-археологической ценности»¹⁸.

Этот же принцип закрепления и в случае необходимости раскрытия памятников с тщательной фиксацией всех слоев, применялся Комиссией по раскрытию древнерусской живописи, начавшей работы в Москве, Троице-Сергиевской лавре, Новгороде, Пскове, Ярославле, Владимире, Кирилло-Белозерском монастыре. Особое внимание уделялось произведениям Андрея Рублева и Феофана Грека, до революции почти не исследованным. В числе раскрытых и укрепленных уникальных памятников древнерусской живописи находились фрески XII в. Дмитровского собора во Владимире, иконостас работы Феофана Грека и Андрея Рублева в Благовещенском соборе Московского Кремля, знаменитая «Троица» Андрея Рублева из Троице-Сергиевской лавры, фрески Андрея Рублева из Успенского собора во Владимире и многие другие¹⁹.

Отсутствие средств, строительных материалов, рабочих рук не позволили развернуть широкий фронт реставрационных и учетных работ. Состояние памятников в целом было тяжелым. Однако важное значение первого послереволюционного периода в истории охраны памятников неоспоримо. Его главная принципиальная особенность состоит в том, что задача охраны памятников в те годы была выдвинута в ряд важней-

¹⁶ См. письма И. Э. Грабаря из экспедиций (1919—1930 гг.) в кн. И. Э. Грабаря. О древнерусском искусстве, М., 1966, стр. 233—250. Характерно, что в трудные годы гражданской войны правительство нашло возможным выделить для этих экспедиций специальные пароходы.

¹⁷ «II реставрационная выставка», М., 1920; Н. Р. Левинсон. Реставрационные работы Главмузея на русской выставке в Берлине. «Среди коллекционеров», 1922, № 1, стр. 67—69; «Наука и искусство», в. 1, 1926, стр. 46.

¹⁸ И. Э. Грабарь. Реставрация у нас и на Западе. «Наука и искусство», т. 1, 1926, стр. 91.

¹⁹ «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. 30, Казань 1920, стр. 267—280, 281—286.

ших общегосударственных задач. Этот период явился чрезвычайно плодотворным в отношении разработки принципов научной охраны памятников. Разработанные в эти годы и примененные на практике методы учета и научной реставрации памятников не утратили своего значения до наших дней.

Всем комплексом мероприятий, проведенных в первые годы после Октября, была заложена такая основа государственной системы охраны памятников, которая, если бы она не была нарушена, могла обеспечить их сохранность в дальнейшем. Это подтверждается обширными охранными работами, развернувшимися в середине 20-х годов.

В годы, когда Советская страна перешла к мирному социалистическому строительству, партия и правительство мобилизовали все ресурсы для восстановления разрушенного войной народного хозяйства. В 1921—1922 гг. правительство вынуждено было резко сократить ассигнования по Наркомату просвещения. Это не могло не отразиться на охране памятников. Ремонтно-реставрационные работы, начатые в Москве, Ярославле, Новгороде, прекратились. Содержание большинства памятников перешло на местный бюджет.

К началу 1922 г. было создано Главное управление научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра Наркомпроса РСФСР (Главнаука). В ведении Главнауки сосредоточились все учреждения, связанные с организацией охраны памятников и разработкой ее методики, с их изучением и пропагандой: Отдел по делам музеев и охраны памятников, РАИМК, Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ)²⁰, музеи, Центральное бюро краеведения (ЦБК), музейно-экскурсионные институты в Москве и Петрограде.

Такое объединение должно было стать благотворным, так как способствовало организации и планированию работ в масштабе всей республики. Одновременно произошла реорганизация охраны памятников на местах. При отделах народного образования создаются губернские комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (губмузеи). Их функции по сравнению с подотделами, существовавшими прежде, были значительно расширены. Наряду с учетом памятников на губмузеи возлагалось производство археологических раскопок и реставрационных работ, организация художественно-исторических заповедников, популяризация памятников (устройство выставок, лекций, экскурсий, издание специальной и популярной литературы)²¹.

В начале 1923 г., едва только появились возможности для этого, был отчасти разрешен вопрос о материальной базе охранных мероприятий. Постановление СНК РСФСР (12 апреля 1923 г.) разрешило Наркомпросу иметь специальные средства, получаемые от входной платы, продажи изданий, эксплуатации земельных участков и строений. Наиболее значительные памятники были взяты на государственный бюджет²².

С 1923 г. возобновились реставрационные работы. По своей направленности и методам они являлись продолжением деятельности первых послереволюционных лет. Однако круг объектов значительно расширился. Наряду с Москвой, Ярославлем, Ленинградом, Новгородом, реставрационные работы развернулись в Пскове, Ростове-Ярославском, Казани, Владимире, Суздале, Смоленске, Угличе, Боровске, Дорогобуже, Кирилло-Белозерске и других городах. Из наиболее крупных объектов можно назвать Георгиевский собор XIII в. в Юрьеве-Польском,

²⁰ В 1924 г. преобразованы из Всероссийской комиссии по раскрытию памятников древнерусской живописи.

²¹ «Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Наркомпроса», 1921, № 24, распоряжение № 187.

²² СУ, 1923, № 37, ст. 386; № 73, ст. 711.

шатровую церковь XVI в. в Болдинском монастыре, храм Василия Блаженного XVI в. в Москве, Китайгородскую стену, памятники XVII в. — дом Иванова в Ярославле, «Дивную» церковь Алексеевского монастыря и здание «Кружала» в Угличе, памятники села Коломенского под Москвой, дом князя В. В. Голицына и Сухареву башню, Казанский собор на Красной площади в Москве, уникальные здания XVIII — начала XIX вв. в Москве и Ленинграде. С 1923 г. по 1926 г. в провинции подверглось ремонту и реставрации свыше 200 памятников архитектуры²³.

Реставрационные и учетные работы организовывались и велись Центральными государственными реставрационными мастерскими. К середине 20-х годов ЦГРМ стали крупным научно-методическим и производственным центром охраны памятников: наделенные контрольными и производственными функциями, они в то же время разрабатывали принципы учета, консервации, реставрации памятников. В ученом совете ЦГРМ, возглавлявшихся И. Э. Грабарем, работали крупные специалисты. Ряд работ консультировался научными работниками РАИМК: Ю. В. Готье (ремонт Сухаревой башни), К. К. Романов (собор в Юрьеве-Польском) и др.²⁴.

Активные реставрационные работы продолжались примерно до 1927 г. Их практика внесла новое в теорию и методику архитектурной реставрации и раскрытия фресковой живописи. Был детально разработан, например, метод комплексного исследования архитектурных памятников, получивший название «архитектурно-археологического»; открытие П. Д. Барановским приемов древней кирпичной кладки сделало возможным восстановление утраченных архитектурных деталей; над проблемой расслоения фресковой живописи работал П. И. Юкин²⁵. Частичным научным обобщением реставрационных работ за 10 лет Октября явились сборники, изданные ЦГРМ в 1926 и 1928 гг.²⁶.

Параллельно с архитектурной реставрацией началось обследование и раскопки археологических памятников. Организационное руководство ими осуществлялось Археологическим подотделом, научное (разработка методов раскопок и пр.) — РАИМК. С 1921 г. по 1925 г. было произведено свыше 700 раскопок в центральных областях, в Крыму, Сибири²⁷.

Развитие народного хозяйства во второй половине восстановительного периода выдвинуло новые проблемы в отношении охраны памятников истории и культуры, и в первую очередь тех из них, которые попадали в орбиту промышленного и сельского строительства. Встал вопрос и о формах правильного хозяйственного использования памятников архитектуры. Эти аспекты нашли отражение в декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы».

Местным органам власти и руководителям строительных и земельных работ вменялось в обязанность следить за тем, чтобы археологические памятники «не использовались в качестве строительного материала... не распахивались, не раскапывались в каких-либо хозяйственных целях, а в окружности памятников оставалась бы неприкосновенной охранная

²³ И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве, стр. 357—365; Н. Р. Левинсон. Реставрация памятников зодчества. «Русское искусство», 1923, № 2—3; «Наука и искусство», в. 1, 1926, стр. 193; П. В. Сытин. Сухарева башня (1692—1926), М., 1926; И. Грабарь. Древние дома Голицына и Троекурова в Охотном ряду, «Строительство Москвы», 1925, № 10, стр. 11—15; Н. Н. Соколов, И. В. Яковлев. Из истории исследования и реставрации Покровского собора (храма Василия Блаженного в Москве). «Ежегодник Гос. Исторического музея, 1960», М., 1962.

²⁴ ГАОР ЛО, ф. 2555, оп. 1, д. 466, л. 110.

²⁵ «Вопросы реставрации», в. 2, М., 1928, стр. 208; И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве, стр. 363—365; «Советский музей», 1935, № 5, стр. 69.

²⁶ «Вопросы реставрации», в. 1, 1926; в. 2, 1928.

²⁷ «Наука и искусство», в. 1, 1926, стр. 42.

полоса», чтобы «случайно обнаруженные археологические памятники не подвергались разрушению» и т. д. Не допускались ремонт, реставрация, перedelка, слом и использование памятников архитектуры, зарегистрированных в Отделе по делам музеев Главнауки, без письменного разрешения этого Отдела или губмузеев, устанавливались правила хозяйственного использования памятников архитектуры²⁸.

Важным нововведением явилось изменение системы руководства охраной памятников. Функции «фактической охраны» на местах от губмузеев переходили к местным органам власти (исполнительным комитетам автономных республик, областей, губерний и т. д.)²⁹. Это стало одним из решающих обстоятельств, неблагоприятно сказавшихся в дальнейшем на развитии дела охраны памятников. Декрет сначала только ограничил сферу деятельности музейных органов учетом памятников и наблюдением за выполнением охранных мероприятий. Однако они имели право «*veto*» при решении вопросов о сносе и перестройке памятников, находившихся на учете Отдела по делам музеев. Но уже в 1925 г. губмузеи, а в 1926—1927 гг. заменившая их инспектура ОНО были ликвидированы. Судьба памятников, рассредоточенных по различным ведомствам, перешла в руки людей, в силу характера своей деятельности далеких от этих проблем, не понимавших зачастую значения охранных мероприятий.

В конце 20-х годов в связи с работой над планами реконструкции советских городов встала проблема места памятников прошлого в будущем социалистическом городе. В 1925—1928 гг. в прессе возникла дискуссия на эту тему. Поводом для нее послужил предполагаемый снос архитектурных памятников Москвы — церкви Евпла (1750 г.) на Мясницкой ул. (ныне ул. Кирова), Красных ворот (1724 г.), Китайгородской стены (1534—1538 гг.).

Дискуссия отразила нигилистическое отношение к памятникам культуры прошлого, получившее распространение, главным образом, в хозяйственных кругах, в конце 20-х — начале 30-х годов. Считалось, что уничтожение памятников, приспособление (перестройка) их в хозяйственных целях оправдываются «жизненно неотложной необходимостью, которая возникает в результате огромного размаха социалистического строительства»³⁰. Выступая в защиту памятников, А. В. Шусев, И. Э. Грабарь, П. В. Сытин разъясняли их архитектурно-художественную ценность и роль в эстетическом облике города³¹. Китайгородская стена, по свидетельству И. Э. Грабаря, была спасена в 1928 г. только в результате «решительного отпора», который «любители ломок» встретили в Совнарком³². Однако в 1935 г. большую часть ее снесли, несмотря на протесты специалистов. Церковь же Евпла и Красные ворота были разобраны в 1926—1927 гг.

К 1927 г. в связи с десятилетием Октябрьской революции, широко отмечавшимся советской общественностью, в круг памятников, охраняемых государством, вошли историко-революционные мемориалы. Памятные места, связанные с революционным движением в Москве начиная с XVII в., были выявлены с большой полнотой Комиссией под руководством Н. М. Дружинина, созданной при Институте методов внешкольной работы. Итогом ее деятельности явился ставший теперь библиографической редкостью историко-топографический справочник-

²⁸ СУ, 1924, № 18, ст. 179.

²⁹ Там же, ст. 179, прим. к п. 1.

³⁰ А. И. Объедков. Охрана памятников революционного движения, труда и искусства. В одноимен. сб., М., 1930, стр. 4.

³¹ Надо ли охранять все старое. «Коммунальное хозяйство», 1925, № 23, стр. 46—52.

³² И. Э. Грабарь. Памятники старой архитектуры и новое городское строительство. «Строительная промышленность», 1928, № 5, стр. 378.

путеводитель «По революционной Москве» (М., 1926). Данные справочника дали фактический материал для установления мемориальных досок на ряде зданий Москвы.

Восстановление крупных памятников революционного движения провели Московский и Ленинградский музеи Революции. Московский музей в 1927 г. закончил научную реконструкцию интерьеров (магазинов, подполья, тайника) подпольной типографии ЦК большевиков на Лесной улице. Ленинградский музей осуществил реконструкцию квартиры А. И. Ульяновой-Елизаровой (где В. И. Ленин жил с апреля 1917 г. до июльских дней) и комнат В. И. Ленина в Смольном, провел частичную реставрацию Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. В Ульяновске с помощью семьи Ульяновых с большой точностью была восстановлена обстановка дома, в котором жил в детстве и юности В. И. Ленин³³.

В 1927—1928 гг. была разработана широкая программа выявления, учета и охраны памятников историко-революционного движения. Меры, необходимые для их охраны, обсуждались на IV Всесоюзном совещании заведующих истпартотделами (январь 1927 г.)³⁴. В этом же году комиссией при Президиуме ЦИК СССР по празднованию 10-летия Октябрьской революции, Музеем Революции СССР были разработаны методические указания для учета и план сбора сведений о памятниках Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, социалистического строительства (1921—1927 гг.). В изданных ими документах³⁵ подчеркивался научно-исследовательский характер этой работы, делалась попытка дать классификацию памятников, указывались типы источников для сбора сведений о них, излагался порядок учетных работ.

Однако задуманная программа в 30-х годах не была воплощена в жизнь. Выявление и первичный учет памятников поручался местным музеям с участием истпартотделов. Последние в 1928 г. были закрыты. Музеи же не имели ни достаточно квалифицированных кадров, ни материальной базы для проведения этой сложной работы.

В 1928 г. ЦГРМ разработали «Схему распределения памятников архитектуры на категории»³⁶. Эта схема имела ряд существенных недостатков методологического характера. Памятники рассматривались в ней исключительно с точки зрения «историко-архитектурной и художественной» значимости. При этом история архитектуры отрывалась от экономических условий развития общества. Категории памятников обуславливались формальными «хронологическими признаками»: 1613 г. как перелом в эволюции архитектуры после эпохи «смутного времени», 1725 г.— время решительного преобладания западноевропейских влияний, 1825 г.— расцвет стиля ампир. Вводимое в классификацию понятие «исторического значения» памятников, повышавшее категорию, сводилось к установлению их мемориальности (связь с выдающимся событием или лицом).

Следует тем не менее оговорить, что «Схема» сыграла определенную роль как первая попытка создать научную классификацию памятников архитектуры. Ответственно выделенным ею категориям устанавливалась степень охранения и возможность хозяйственного использования памятников. На основе «Схемы» в 1930 г. был подготовлен первый список памятников архитектуры РСФСР, подлежавших государственной

³³ «Очерки истории музейного дела в СССР», вып. 3, М., 1961, стр. 65—66; вып. 5, М., 1963, стр. 25; «Советский музей», 1931, № 2, стр. 85—86.

³⁴ «Пролетарская революция», 1927, № 1, стр. 265—278.

³⁵ «Бюллетень комиссии при Президиуме ЦИК СССР по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции», 1927, № 1, стр. 9—18; «Еженедельник НКП РСФСР», 1928, № 23, стр. 25—26.

³⁶ «Еженедельник НКП РСФСР», 1928, № 3, стр. 15—16.

охране. Из зарегистрированных в ЦГРМ памятников (около 10 000) в него вошло около 3000 объектов³⁷.

Сооружение гигантских заводов, электростанций, каналов, железных дорог, реконструкция городов, колхозное строительство, широкая заплата земель, развернувшаяся в конце 20-х — начале 30-х годов, создавали условия, при которых многие ценные памятники неминуемо попадали в зону нового строительства. Необходим был тесный контакт государственных органов охраны с плановыми и проектными организациями для выяснения того, что и каким образом можно сохранить от разрушений, постоянный контроль за сохранностью памятников на местах, организация изучения и фиксации тех объектов, которые неизбежно уничтожались в ходе строительства. Между тем система охраны памятников, созданная в начале 20-х годов, распалась. В 1930 г. был ликвидирован Отдел по делам музеев и охраны памятников, в 1934 г. закрыты ЦГРМ. Охрана памятников перешла в ведение музеев, однако ни юридическими полномочиями, ни финансовыми возможностями для этого они не были обеспечены.

Не имелось и необходимых средств для проведения охранных мероприятий, так как все ресурсы страны с огромным напряжением были направлены на нужды индустриализации и коллективизации.

Отрицательно сказалось на охране памятников отстранение от этого дела общественности. Снос памятников решался в основном административными или хозяйственными организациями. Мнения ученых, специалистов игнорировались. Выступлениям в защиту памятников иногда приписывался политический характер. Ставилась под сомнение даже необходимость научной экспертизы подлежащих сносу или перестройке памятников, так как считалось, что экспертиза является «тормозом» в развитии социалистического строительства³⁸.

Наносили вред делу охраны «левацкие» перегибы, имевшие место в эти годы. Так, антирелигиозная кампания, проходившая, например, в Псковской области под лозунгом «Сметем с советских полей очаги религиозной заразы», привела к уничтожению ценных памятников церковного зодчества³⁹. Не принималось во внимание историческое и художественное значение памятников. Снос Красных ворот мотивировался тем, что они построены «князем Ухтомским... по заказу московского купечества для коронационных торжеств Елизаветы Петровны»⁴⁰. С этих же неправильных позиций производилась в 1931 г. ЦГРМ и ГАИМК переоценка памятников, все многообразие которых пытались вписать в социологическую схему. В пересмотренном списке подлежащих охране памятников число объектов было сокращено до 1200 против 3000 в 1930 г.⁴¹

Особенно пострадали в 30-е годы памятники Москвы. В 1928—1934 гг. здесь был уничтожен ряд кремлевских зданий (церковь Спаса на Бору, 1330 г. — одна из первых каменных построек Москвы, Чудов и Вознесенский монастыри, малый Николаевский дворец, построенный в 1775—1776 г. М. Ф. Казаковым), Симонов монастырь — образец крепостного зодчества XVI в., Сухарева башня, в которой в начале XVIII в. размещалось первое в России высшее учебное заведение — «навигацкая» школа, церковь Успения на Покровке, построенная крепостным зодчим-самородком Петром Потаповым в 1696—1699 гг., Триумфальные ворота,

³⁷ «Советский музей», 1932, № 6, стр. 56.

³⁸ Н. Кожин. Значение и задачи охраны памятников искусства, старины и революционного движения. «Советское краеведение», 1934, № 1, стр. 7; А. И. Обедков. Указ. соч., стр. 6.

³⁹ ГАОР ЛО, ф. 2555, оп. 7, д. 155, лл. 28—29.

⁴⁰ И. Степанов. Надо ли охранять старину. «Известия ЦИК СССР», 19 ноября 1925 г.

⁴¹ «Советский музей», 1932, № 6, стр. 57.

сооруженные в память Отечественной войны 1812 г., храм Христа Спасителя с росписью выдающихся художников XIX в.— В. В. Верещагина, В. М. Васнецова, Г. И. Семирадского, В. И. Сурикова, В. Е. Маковского, А. И. Корзухина и др., Казанский собор на Красной площади (1635—1636 гг.), сооруженный в честь освобождения Москвы от польско-шведской интервенции, и многие другие. Некоторые памятники (Красные ворота, Сухарева башня) сносились потому, что мешали уличному движению. Однако проекты, при которых эти сооружения могли быть сохранены, не принимались во внимание. Многие из названных выше памятников буквально накануне сноса подверглись фундаментальному ремонту и реставрации.

То же самое происходило и в других городах. В Ленинграде были ликвидированы музеи в особняках и дворцах, интерьеры которых имели исключительную историко-художественную ценность. Здания передавались в пользование различным организациям. В Томске из 17 уникальных памятников деревянного зодчества 10 было разобрано; в районе Кяхты уничтожались развалины древних построек; в Крыму плиточные могильники-дольмены разбирались жителями для хозяйственных нужд. Уничтожена была при строительстве санатория уникальная римская крепость Харакс⁴².

Нужно сказать, что государственные органы охраны памятников, научная и краеведческая общественность не оставались равнодушны к судьбе памятников, пытались вести борьбу за их сохранение. Одним из средств была экспертиза, проводимая ЦГРМ, Ленинградскими реставрационными мастерскими, ГАИМК. Так, Ленинградским мастерским удалось отстоять Смольный монастырь от хозяйственного использования, ограду из лушек вокруг Спасо-Преображенского собора, выполненную по рисункам В. П. Стасова,— от переплавки и т. д. В 1930 г., при участии ГАИМК, были приняты меры охраны памятников Новгорода и Пскова. Направленные туда комиссии классифицировали памятники по схеме ЦГРМ 1928 г. с установлением мер охраны для каждой категории⁴³.

Краеведческие совещания— 3-я Всероссийская конференция по краеведению, Заседание президиума ЦБК (1928 г.), Пленум Ленинградского областного бюро краеведения (1928)⁴⁴ и др.— выносили резолюции о необходимости государственного контроля над охраной памятников культуры. Против ликвидации Александровского дворца-музея в Детском Селе (ныне г. Пушкин) высказались рабочие заводов «Красный путиловец», «Большевик», правление клуба Союза металлистов, ветераны революции из Детского Села⁴⁵ и др. Однако в большинстве случаев эти протесты общественности результатов не имели.

К середине 30-х годов в связи с переломом в развитии исторической науки, завершившимся Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г. «О преподавании истории в школе», наметились изменения в отношении к памятникам истории и культуры. В 1932 г. был создан Межведомственный комитет по охране памятников революции и культуры при Президиуме ВЦИК СССР⁴⁶. Комитет должен был осуществлять координацию и контроль действий различных ведомств в отношении охраны памятников. В состав его вошли представители ВЦИК, Наркомпроса, ГАИМК, Академии наук СССР, Государственного исторического музея, Музея революции СССР, Интуриста и других

⁴² «Исторический сборник», в. 4, М.—Л., 1935, стр. 265—266; «Экономика и культура Крыма», 1934, № 9—12, стр. 181—184; ГАОР ЛО, ф. 2556, оп. 7, д. 154, л. 31.

⁴³ ГАОР ЛО, ф. 2556, оп. 7, д. 86, лл. 52, 196; д. 154, 155.

⁴⁴ «Резолюции III Всероссийской конференции по краеведению», М., 1928, стр. 31; «Известия ЦБК», 1928, № 6, стр. 8; «Краеведение», 1928, № 5, стр. 297—298.

⁴⁵ ГАОР ЛО, ф. 2556, оп. 7, д. 86, лл. 215, 218—219.

⁴⁶ СУ, 1932, № 69, ст. 309.

заинтересованных организаций. В 1933—1934 гг. были изданы постановления ВЦИК и СНК РСФСР об охране исторических и археологических памятников⁴⁷. Постановления запрещали сломку, переделку и использование памятников революционного движения, архитектуры, археологии без разрешения Межведомственного комитета. Особое значение имели пункты постановлений, подкрепленные циркулярным письмом Госплана СССР⁴⁸, обязывающие строительные организации принимать меры к охране памятников и финансировать изучение тех из них, которые должны быть неизбежно уничтожены.

Непосредственным следствием этих мероприятий явилась широкая деятельность ГАИМК в районах новых строительства. В годы второй пятилетки (1932—1937 гг.) были совершены крупные археологические и комплексные экспедиции ГАИМК, связанные со строительством Пермской и Ярославской ГЭС, Беломорско-Балтийского канала, Байкало-Амурской железной дороги, Манычстроя. Большие археологические работы велись на строительстве московского метрополитена⁴⁹. Помимо накопления научного материала, работа ученых на новостройках имела практическое значение: по заданию проектных организаций разрабатывались вопросы четвертичной стратиграфии, древней ирригации и водоснабжения и т. д.⁵⁰

Во второй половине 30-х годов возобновились ремонтно-реставрационные работы в Новгороде, Пскове, Владимире, в Троице-Сергиевской лавре. Ряд экспедиций для обследования и укрепления древнерусской живописи (в Новгород, Псков, Владимир, Ростов, Александров и другие города) совершила реставрационная мастерская Государственной Третьяковской галереи, к которой перешли из ЦГРМ функции реставрации древнерусской живописи⁵¹.

В конце 30-х годов возобновилась работа по выявлению памятников и памятных мест, связанных с Октябрьской революцией и гражданской войной. В 1939 г., например, в Ленинграде были учтены, отмечены памятниками и мемориальными досками, включены в маршруты городских экскурсий места, связанные с деятельностью В. И. Ленина, с подготовкой и проведением Октября. Краснодарский музей разработал туристический маршрут по пути похода Таманской армии в годы гражданской войны. Памятник героям Волочаевских боев был установлен на сопке Июнь-Карань близ Хабаровска и др.⁵²

Колоссальный ущерб историческим и культурным ценностям Российской Федерации, как и многих других советских республик, был нанесен в период Великой Отечественной войны. На русской земле фашистские варвары разрушили и повредили около 2000 сооружений историко-художественного значения. Разрушения совершались гитлеровцами преднамеренно, методично, по заранее разработанному плану. В развалины были превращены ценнейшие памятники новгородского церковного зодчества с уникальной фресковой росписью XII в. — церкви Спаса-Нередицы, Николы на Липне, Успенская в Волотове, Михайловская на Сковородке; разграблены и сожжены пригородные дворцы-музеи Ленинграда; взорваны при отступлении замечательный памятник русской архитектуры XVII—XVIII вв. Новоиерусалимский собор в Истре, классический образец русского гражданского зодчества XVII в. — Поганкины

⁴⁷ СУ, 1933, № 44, ст. 179; 1934, № 9, ст. 52.

⁴⁸ «Сообщения ГАИМК», 1932, № 11—12, стр. 79.

⁴⁹ «Известия ГАИМК», вып. 109, 110, М.—Л., 1936. «По трассе первой очереди московского метрополитена», Л., 1936.

⁵⁰ «Известия ГАИМК», вып. 109, 1935, стр. 9.

⁵¹ «Новгородский исторический сборник», вып. 8, 1940, стр. 91—140; «Русская архитектура», сб. М., 1940, стр. 127—133; В. И. Антонова, Н. И. Мнева. Каталог древнерусской живописи, т. I, 1963, стр. 35.

⁵² «Советский музей», 1939, № 8, стр. 40—41; № 11, стр. 10—16; «О массовой работе по памятникам революции, истории, культуры и археологии», М., 1940.

палаты в Пскове, Троицкий монастырь XVII в. в Смоленске и многие другие. Памятники мирового значения фашисты превращали в военные объекты (новгородские церкви Благовещения в Аркажах и Федора Стратилата, петергофские павильоны-дворцы на берегу Финского залива), в служебные помещения (конюшни в псковских церквях Богоявления в Запсковьи и Козьмы и Дамиана в Примости), оскверняли места, связанные с именами великих деятелей русской культуры и науки,— А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, П. И. Чайковского, К. Э. Циолковского⁵³

По мере наступательных действий советских войск учет разрушений, немедленная научная фиксация развалин, меры их охраны стали необходимы не только как подготовительные работы к будущему восстановлению культурных ценностей, но как дело большой политической важности, разоблачающее вандализм фашистских захватчиков. В 1942 г. правительством была создана Комиссия по учету и охране памятников при Комитете по делам искусств СНК СССР, возглавлявшаяся И. Э. Грабарем. В задачу ее входил учет разрушений, охрана памятников прифронтовой полосы, подготовка материалов для будущих реставрационных работ. В 1943 г. сформировался Комитет по делам архитектуры при СНК СССР с Главным управлением охраны памятников, руководивший восстановительными работами в ходе войны и после нее.

В 1942 г. были ликвидированы разрушения, причиненные гитлеровцами мемориальным комплексам, посвященным Л. Н. Толстому (в Ясной Поляне), П. И. Чайковскому (в Клину), К. Э. Циолковскому (в Калуге). С начала 1944 г. расчищались и разминировались парки в Петродворце, Павловске, Пушкине, Гатчине под Ленинградом. В апреле 1944 г. начался ремонт новгородских памятников, находившихся в аварийном состоянии. Одновременно здесь работала бригада художников-реставраторов (А. В. Виннер, П. И. Юкин, Е. А. Домбровская, Н. П. Юкина, В. Г. Светличная), проделавшая сложнейшую работу по укреплению и восстановлению остатков фресок поврежденных и разрушенных памятников Новгорода⁵⁴.

Уже в годы войны началось выявление мест, связанных с крупными сражениями, с подвигами советского народа на фронте и в тылу, с действиями советских патриотов в тылу противника. В 1942 г. музейно-краеведческий отдел Наркомпроса РСФСР для организации первичного учета памятников Великой Отечественной войны разработал «паспорт», содержащий описание памятника, сведения о его нахождении, связи с определенным событием, лицом, подвигом и т. д. На учет еще в ходе войны были взяты места, связанные с жизнью и подвигами капитана Гастелло, 28 гвардейцев-панфиловцев, Зои Космодемьянской, «Дом Павлова» в Сталинграде и т. д.

Однако в целом к концу войны положение памятников было катастрофичным и не только на территории, освобожденной от оккупантов, но и в тыловых районах, в том числе в древнерусских городах средней и северной полосы России. Вынужденное размещение в памятниковых зданиях эвакуированных предприятий, госпиталей, военных частей, а главное, полное отсутствие средств на поддержание памятников привело многие из них в аварийное состояние.

Восстановление памятников, требующее огромных денежных средств, было особенно трудно при том, что народное хозяйство страны сильно пострадало вследствие разрушительной войны. В послевоенный период Институтом градостроительства Академии архитектуры СССР были разработаны принципы реконструкции древних русских городов

⁵³ «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР», М.—Л., 1948, сб. «Труды НИИМ», вып. 5, М., 1961.

⁵⁴ «Труды НИИМ», вып. 5, стр. 297; ГАОР ЛО, ф. 4969, оп. 1, д. 82; «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР», стр. 48—57; «Архитектура СССР», 1945, № 10, стр. 22—28.

(Новгорода, Пскова, Смоленска и др.), предусматривавшие органичное включение памятников в новую застройку. С этим связана подготовка широких реставрационных работ. В 1945—1946 гг. в Ленинграде, Новгороде, Пскове, Владимире были открыты строительно-реставрационные управления, проектно-реставрационные мастерские, школы реставраторов. Здесь начались восстановительные работы на первых порах консервационного характера, но с перспективой на будущие реставрации.

Необходимость больших восстановительных работ вызвала постановление Совета Министров СССР (14 октября 1948 г.) «О мерах улучшения охраны памятников культуры»⁵⁵. Следствием его явилось расширение сети научно-производственных реставрационных мастерских, открытых в Рязани, Казани, Костроме, Перми, Ярославле; создание научно-методического совета по охране памятников при Президиуме Академии наук СССР. На протяжении 50-х годов были организованы историко-архитектурные и историко-художественные заповедники в городах, насыщенных памятниками культуры,— Новгородский, Владимиро-Суздальский, Костромской, Ярославско-Ростовский, Горьковский, а также на основе выдающихся архитектурных, археологических или историко-мемориальных комплексов — Троице-Сергиевская лавра, Андроников монастырь, связанный с именем Андрея Рублева, Кижи, территория археологических раскопок «Танаис» (Ростовская обл.), Бородино, Пушкинские места в Михайловском и Болдине.

Развернулись большие восстановительные работы в Москве, Ленинграде, Пскове, Новгороде, Владимире, Суздале, Астрахани, Ярославле, Ростове-Ярославском и других городах. В третий раз за годы Советской власти были выделены средства на ремонт и реставрацию таких уникальных памятников, как комплексы Московского Кремля, Донского и Новодевичьего монастырей, Троице-Сергиевской лавры, собор Василия Блаженного и Спасский собор Андроникова монастыря в Москве; кремлевские стены в Новгороде, Пскове, Горьком, Астрахани; Успенский и Дмитровский соборы, церковь Покрова на Нерли и Золотые ворота во Владимире; Строгановская церковь в Горьком; памятники Ростова-Ярославского, пострадавшие в урагане 1953 г.; Солодежня, палаты Турбиных, Мирожский монастырь в Пскове; воссозданные из руин церкви Спаса-Нередицы и Николы на Липне в Новгороде, некоторые пригородные дворцы-музеи Ленинграда и т. д. Работы производили крупные архитекторы-реставраторы — П. Д. Барановский, Л. А. Давид, В. С. Баниге, А. Д. Варганов, А. В. Столетов, Г. М. Штендер, С. Н. Давыдов, В. И. Иванов и многие другие.

Постановление 1948 г. предусматривало учет и описание исторических памятников, круг которых был определен чрезвычайно широко (историко-революционные, социалистического строительства, историко-военные, мемориальные, истории техники, хозяйства и быта). Первичный учет этих памятников отразил свойственные концу 40-х годов явления общественной жизни (в частности, преобладающее внимание к памятникам, связанным с деятельностью отдельных лиц, стремление установить приоритет России в мировой науке и культуре)⁵⁶.

Губительно отразились на деле охраны памятников волевые решения, субъективистские оценки и высказывания в вопросах культуры, градостроительства и пр., которые имели место в конце 50-х — начале 60-х годов. Именно в эти годы не по необходимости, а в результате невежества и произвола было необоснованно сокращено число памятников, принятых на государственную охрану, резко снижены ассигнования

⁵⁵ «Охрана исторических и археологических памятников», сб. руководящих и справочных материалов, М., 1949, стр. 5—7.

⁵⁶ См., напр., «Культурно-просветительная работа», 1949, № 8.

на восстановительные работы, сокращен штат сторожевой охраны, свернуты лабораторные и научно-исследовательские работы.

В итоге на протяжении последнего десятилетия утрачены или находятся на грани гибели замечательные памятники национальной истории, культуры, искусства. Так, из-за отсутствия охраны погибли в 1964—1965 гг. в пожарах уникальные образцы деревянного народного зодчества — ценнейший храм в Вытегре Вологодской обл. (по возрасту превосходивший знаменитую Преображенскую церковь в Кижах), церкви в Турчасове, Белой Слуде (Архангельская обл.). Неправильная реставрация привела к гибели ценнейшие фрески храма Иоанна Предтечи в Толчкове, в запущенном состоянии из-за длительного отсутствия ремонта находится ансамбль Иосифо-Волоколамского монастыря, кремля Тулы, Коломны, Зарайска, архитектурный комплекс в Царицыне (ныне Ленино-Дачное) и многие другие. По решению местных властей, без консультации специалистов, были разобраны колокольни XVIII в. в Пронском районе Рязанской области, колокольни в селах Весь и Рождествено Владимирской области, немногие из сохранившихся деревянных церквей в Московской области (в Стрелецкой слободе и с. Подсосенье) и др. Неправильное использование памятников (под овощные базы, склады горючего и пр.) привели в аварийное состояние ряд памятников Новгородской, Ярославской, Ивановской областей⁵⁷. Перечень этот можно было бы продолжить примерами сноса памятников в связи с неудачными решениями реконструкции городов, уничтожения археологических памятников, небрежного отношения к могилам героев гражданской и Великой Отечественной войн и т. д.

После Октябрьского Пленума ЦК КПСС (1964 г.), осудившего проявления субъективизма и волюнтаризма, дело охраны памятников значительно улучшилось. Характерное для наших дней явление — огромная заинтересованность широких кругов советской общественности в сохранении национальных сокровищ истории, культуры и искусства. На страницах центральной и местной прессы, в научных и литературно-художественных журналах публикуются статьи, корреспонденции, письма ученых, архитекторов, художников, писателей, музейных работников, учителей, краеведов, выступающих в защиту памятников истории и культуры. В 1965—1966 гг. вопросы охраны памятников неоднократно рассматривались правительством⁵⁸.

К 20-летию победы советского народа над фашистской Германией выявлено и взято на охрану много памятников Великой Отечественной войны. Были отмечены мемориальными досками и скульптурами места, связанные с подвигами советских воинов, обновлены и вновь созданы монументы на братских могилах, в районах исторических сражений.

Событием культурной жизни республики явилось решение Центрального Комитета партии и Совета Министров РСФСР (1966 г.) об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры, учредительный съезд которого собрался в июне 1966 г. Основная задача Общества, имеющего разветвленную сеть местных отделений, — оказывать помощь государству в выявлении, изучении, охране и пропаганде всех видов памятников. Приступили к работе местные отделения. Они организуют шефство над памятниками, привлекая к этому широкие круги общественности. Активную деятельность развернули Ленинградское, Новгородское, Кировское, Тобольское, Иркутское и другие отделения. Президиум Центрального совета разрабатывает меры охраны уникальных историко-архитектурных и мемориальных комплексов (Суздаля, Коломенского, Соловецкого монастыря, Пушкинских мест в

⁵⁷ Факты заимствованы из материалов периодических изданий за 1965—1966 гг.

⁵⁸ См. В. И. Кочемасов. О целях и задачах Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (Стенограмма доклада на учред. съезде Общества). НА НИИМ, д. 2641/3, л. 4.

Михайловском и др.). Учрежден специальный «Фонд охраны памятников истории и культуры»⁵⁹. Обладая правами общественного контроля за сохранностью и использованием памятников, участия в обсуждении связанных с охраной памятников вопросов, Общество при правильной организации работы сможет сыграть важную роль в улучшении и демократизации всего дела охраны памятников.

В 1966 г. был принят ряд мер по улучшению охраны памятников⁶⁰. Создана специальная инспекция и должности инспекторов в местных органах культуры, усилена материально-техническая база научно-реставрационных производственных мастерских и т. д. Научно-исследовательский институт музееведения преобразован в НИИ музееведения и охраны памятников.

В связи с предстоящим 50-летием Советской власти и 100-летием со дня рождения В. И. Ленина поставлена важная задача привести в образцовый порядок памятники и памятные места, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина, с историей завоевания и защиты Советской власти.

Большое внимание уделяется использованию памятников при развитии советского и зарубежного туризма. В течение ближайших лет намечено завершить подготовку к показу памятников, лежащих на важнейших туристических маршрутах.

Однако проблема организации охраны памятников в целом остается нерешенной до сего времени. Система охраны памятников через местные органы власти, не оправдавшая себя в 30-х годах, оставлена в силе. Снос, перестройка и использование памятников, не вошедших в категорию общесоюзных и республиканских, оставлены таким образом на усмотрение местных властей. Целый ряд важных теоретических проблем (соотношение реставрации и консервации; правомерность полного воссоздания руинированных памятников; применение в процессе реставрации и консервации современных достижений науки и техники, новых материалов и пр.) серьезно не разрабатывается, решается разрозненно, случайно. Научного центра, который обобщал бы накопленный опыт и разрабатывал вопросы научной охраны, не существует.

До сих пор отсутствует подлинный, устойчивый государственный учет памятников. Не разработаны ни научно обоснованная классификация, ни критерии оценки памятников. Отсюда возможность субъективного отношения к ним, произвольного сокращения списков памятников, подлежащих охране, исключения из них отдельных объектов и пр. Выявлены и учтены далеко не все памятники народного зодчества и искусства, революционного движения, гражданской и Великой Отечественной войн. В стадии разговоров все еще находится вопрос о критериях отбора и охране памятников социалистического строительства. Плохо поставлена пропаганда, популяризация памятников, которая должна стать краеугольным камнем в борьбе против небрежного, а иногда и преступного отношения к ним, основанного на непонимании их роли в развитии советской науки, культуры, искусства, в патриотическом и эстетическом воспитании трудящихся.

Кардинальные вопросы организации государственной охраны памятников — укрепление централизованной охраны с созданием авторитетных органов на местах, организация научного центра, объединяющего вокруг себя реставрационные мастерские, лаборатории, издательство — ждут еще своего разрешения.

⁵⁹ В. Кочемасов. Памятники культуры — важное средство воспитания. «Коммунист», 1966, № 14.

⁶⁰ НА НИИМ, д. 2641/4.